

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

Мотивы «своего» и «чужого» в современной постколониальной отечественной прозе

В. В. Мароши

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается роль оппозиций «своего» и «чужого» в современной отечественной прозе – в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003), романах А. Волося «Хуррамабад» (2000), В. Медведева «Заххок» (2017) и В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003). Актуализация этой оппозиции обусловлена травмирующими эффектами постсоветской реальности как в России, так и на национальных окраинах бывшего СССР. В статье уточняются особенности постколониальной ситуации для постсоветского мира и использована метафора колонизации, предложенная Ю. Хабермасом. В частности, разрушение привычной для персонажей социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетобразующих факторов современной прозы. Ксенофобия у Распутина и Галактионовой распространяется не столько на другие нации, сколько на всё «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, на всю тотальность *Lebenswelt*, окружающего героев. Персонажи повести Распутина преодолевают отчуждение и самоотчуждение, претерпевают кризис «своего» общего и «своего» личностного мира. Село Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает уникальным архаичным местом, где живут только «свои», не принимающие «чужих». В нем сохранена общинная идиллия и традиционная строгость нравов. Постколониальные романы о гражданской войне в Таджикистане объединены мотивами утраты родины для русских уроженцев страны, которые вынуждены уезжать в чужую для них Россию («Хуррамабад») либо бежать из города в еще более враждебный локус сельского кишлака («Заххок»). Однако персонажи-таджики тоже разделены на «своих» и «чужих». Гибридная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща нескольким важнейшим героям обоих романов, она создает для них опасную коллизию. Сюжетным разрешением конфликтов и коллизий в обоих романах становится попытка миграции персонажей в новое чужое пространство, которая приводит к возрастанию отчуждения.

Ключевые слова

мотив, колонизация, постколониальный, конфликт, свой, чужой, отчуждение

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-512-23003

Для цитирования

Мароши В. В. Мотивы «своего» и «чужого» в современной постколониальной отечественной прозе // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 103–116. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

© В. В. Мароши, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

The Motifs of “Native” and “Other” in Modern Postcolonial Russian Prose

V. V. Maroshi

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the role of the opposition of “one’s own” and “someone else’s” in modern Russian prose – in V. Rasputin’s novel “Ivan’s Daughter, Ivan’s Mother” (2003), A. Volos’ novels “Khurramabad” (2000), V. Medvedev’s “Zahhok” (2017) and V. Galaktionova’s “On the Island of Buyan” (2003). The actualization of this opposition is due to the traumatic effect of the post-Soviet reality both in Russia and on the national outskirts of the former USSR. The article also clarifies the features of the post-colonial situation for the post-Soviet world and uses the metaphor of colonization proposed by Habermas. In particular, the destruction of the social environment familiar to the characters under the onslaught of the “alien” has become one of the most noticeable plot-forming factors of modern prose. The xenophobia of Rasputin and Galaktionova extends not so much to other nations, but to everything “alien”, including foreign discursive practices, new things, and the totality of the Lebenswelt surrounding the protagonists. The characters of Rasputin’s story overcome alienation and self-alienation, undergo a crisis of “their” common world and “their” personal one. The village of Buyan, which is similar to an island in Galaktionova’s novel, is portrayed as a unique archaic place where only «friends» who do not accept “strangers” live. It preserves the communal idyll and traditional austerity of morals. Postcolonial novels about the civil war in Tajikistan are united by the motifs of loss of the motherland for the Russian natives of the country who are forced to leave for Russia which is foreign for them (“Khurramabad”) or to flee to an even more hostile location – a rural village (“Zahhok”). However, the Tajik characters are also divided into “friends” and “strangers”. The hybrid ethnic and cultural identity of the characters that lies between “their own” and “alien” (the Russian and Tajik worlds respectively) is inherent to several of the most important characters of both novels and it creates a dangerous conflict for them. The resolution of conflicts and collisions in both novels is the characters’ attempt to migrate to a new space which leads to an increase in alienation.

Keywords

motif, colonization, postcolonial, conflict, native, others, alienation

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003

For citation

Maroshi V. V. The Motifs of “Native” and “Other” in Modern Postcolonial Russian Prose. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 103–116. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

2000-е гг. в России связаны с заметной актуализацией в русской литературе репрезентации оппозиций «своего» и «чужого» / «другого» на разных уровнях поэтики текста. Это было обусловлено целым рядом причин: резкой сменой социального и экономического уклада, обострением старых или возникновением новых межнациональных, региональных и локальных конфликтов, стремительно

усиливающимся разрывом в уровне жизни разных групп населения, интенсивными миграционными процессами внутри страны и за ее пределами.

Подобная социальная, этническая и культурная фрагментация привела и к появлению в отечественной гуманитаристике целого ряда исследований, в которых разрабатывались различные аспекты этой оппозиции: мифопоэтические, фило-софско-феноменологические, культурологические, социологические, этнические, лингвистические. Для отечественного литературоведения и лингвистики учеными была сформулирована необходимость развития особой междисциплинарной науки – имагологии, которая занималась бы «риторикой репрезентации» национальных стереотипов, объективированных в языке и литературе [Ощепков, 2010; Земсков, 2011; Поляков, 2015]. Появились и первые практические работы, в которых эта оппозиция рассматривается как категория или дихотомия в классической русской литературе, например, [Данилова, 2011; Соломина, 2014], в современной постколониальной этнической прозе [Цимбалова, 2014], геопозитике [Бронская, Иванова, 2018], в теории современного травелога [Майга, 2014, с. 258] и практике его анализа [Драчева, Кислова, 2017]. Очевидной стала и перспектива такого «противостояния» для анализа конфликтных ситуаций в батальной и алармистской прозе. Мы будем использовать эту весьма объемную в смысловом отношении оппозицию в более узком терминологическом смысле – как значимый для сюжетной событийности и ситуаций произведения мотив, характеризующий взаимоотношения между персонажами, а также их отношение к художественному пространству и предметному миру. Подобные мотивы относятся, по нашему мнению, к антропологическому или характерологическому аспекту поэтики произведения.

Русская языковая оппозиция «свой» / «чужой» с трудом переводима на другие языки ввиду многозначности и грамматической неоднородности самих этих слов, а также синонимических отношений, связывающих их с другими прилагательными. Наиболее актуальными в рассматриваемых нами художественных текстах те значения, которые обозначают принадлежность к определенной социальной и национальной общности или, напротив, выпадение из нее и содержат в себе положительную или отрицательную оценку. Словарь Ожегова определяет их весьма скупое: «свой» – «...5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [Ожегов, 1970, с. 696]; «чужой» – «... 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний. 3. Далёкий по духу, по взглядам, не имеющий близости с кем-чем-н., чуждый» [Там же, с. 874].

В то же время процесс самоотчуждения, утраты идентичности персонажей у В. Распутина сопровождается и осознанием потери личного как своего: «Свой... 3) своеобразный, свойственный только чему-то одному» [Там же, с. 696], и замены его чужим как «не своим», не присущим характеру героя. Разрушение традиционного социума и внутренний кризис личности, как мы увидим далее, сопутствуют друг другу в его прозе.

Поле значений слова «свой», не связанное с принадлежностью и собственностью, гораздо шире приведенных выше и включает в себя, по нашему мнению, 1) находящийся в родственных или дружественных отношениях; 2) связанный с местом проживания, общей деятельностью или убеждениями; 3) приносящий добро и спокойствие; 4) знакомый, известный; 5) понятный, доступный для пони-

мания; 6) местный, носитель близкой культуры; 7) привычный, обычный. Соответственно смысловую оппозицию «своего» можно определить как 1) не состоящего с кем-либо в близких отношениях, постороннего; 2) не связанного родственными отношениями, неродного 4) не являющегося родиной или местом, где он вырос, к которому привык, иноземного; 5) не состоящего в близких отношениях с кем-либо, посторонний, незнакомый; 6) зловещего, несущего угрозу для жизни; 7) отчужденного, отрешенного; 8) непонятого, недоступного для понимания; 9) иностранного, находящегося за границами родной культуры; 10) контрастирующего с обычным и привычным окружением. Очевидно, что межнациональные и политические конфликты, разрушение привычного социального уклада в 1990-х должны были привести к активизации перечисленных значений слова «чужой».

Распад Советского Союза и сложные отношения между образовавшимися на его бывшей территории фрагментами могли быть осмыслены в категории «чуждости / инаковости» («otherness»), которая утвердилась в зарубежных постколониальных исследованиях как способ дегуманизирующей оценки «колонизаторами» по отношению к «колонируемому» ими населению (см. [Ahmad, 1987; Ashcroft et al., 2004, p. 11, 96–102; 2013, p. 188–189; Hasan Al-Saidi, 2014]. Однако вопреки глобальному терминологическому тренду в отечественной художественной литературе 1990–2000-х гг. она, наоборот, используется по отношению к бывшим «колонизаторам», т. е. репрезентантам русского этноса.

Стоит отметить, что колонизация в Российской империи и в Советском Союзе имела особенности, которые не вполне согласуются с моделью, применяемой по отношению к бывшим колониям западноевропейских стран. Во-первых, она была не только внешней, но и внутренней. В отличие от внешней колонизации, при которой переселенцы мигрируют на колонизируемую территорию, внутренняя колонизация разворачивалась внутри самого космополитического государства-колониатора и по отношению к его коренному населению: «Колонизировав многочисленные земли, Россия применяла колониальные режимы непрямого правления – принудительные, коммунитарные и экзотизирующие – к собственному населению» [Эткинд, 2013, с. 16]. Во-вторых, в процессе колонизации в СССР происходила модернизация, а на некоторых исторических этапах и деколонизация национальных окраин. В-третьих, в современной отечественной прозе стигматизированной и подавленной оказывается нация «колонизаторов» – и в бывших советских республиках, и внутри самой России. По-видимому, представления о колонизации нуждаются в существенном расширении.

Немецкий философ-неомарксист Ю. Хабермас в анализе кризисов развитого западного общества использует понятие «внутренней колонизации» как метафору социальной системы, основную роль в которой играют Рынок и Власть, вмешивающиеся в то, что он называет *Lebenswelt* («мир социальной жизни»). В таком случае инспирированная извне глобализация и модернизация осмысляются как насилие над устоявшимся общественным строем, бытом, языком. Социальным кризисам подобного рода сопутствует растущее отчуждение от навязанной извне модернизации: «Императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину,

позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок» [Habermas, 1987, p. 355]. В 1990-е гг. и в бывшей метрополии, и на бывших окраинах СССР происходили весьма схожие процессы, в ходе которых национальный подъем сопровождался наступлением глобальной экономической идеологии. Это, как правило, приводило в патриотической элите к разочарованию и ксенофобии, что повлияло, в свою очередь, на актуализацию мотивов «чужого» в публицистике и литературе.

Так, в отечественной патриотической прозе начала 2000-х колонизация России в 1990-е гг. в подобном метафорическом и широком смысле предстает как вмешательство и наступление «чужого», вытесняющего «свое» (положительное, национальное, традиционное, привычное, родное). В повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) значимо не столько насилие, совершенное этническим чужаком, сколько тотальная картина крушения привычного уклада жизни в большом городе, кризиса отношений в семье и внутреннего кризиса героев, который приводит их на грань самоотчуждения. В романе В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003) феномен «чужого» более локален и персонализирован, он связан с появлением «чужого», пришлого городского незнакомца в нетронутом модернизацией селе, жители которого, однако, справедливо опасаются чужаков. Художественное пространство обоих произведений косвенно или прямо воспроизводит «островную» мифологию русской деревенской прозы, с ее «закрытым» традиционным обществом в эпоху наступивших перемен.

«Свое» в повести В. Распутина связано в основном с замкнутым и статичным пространством дома, кругом семьи, бытовыми и национальными традициями. Всё «чужое» динамично и связано с как с тотальным обновлением всего окружающего пространства, так и с рынком, на котором работает дочь Тамары, жертва насильника. Кризис социальной жизни в повести проявляется в полном вытеснении «чужим» «своего» как привычного: «Ночь наступала теплая, темная и вялая, должно быть, к дождю. Прохожих уже и не было, зато разудало, **почуяв свободу**, неслись машины, в три-четыре года свезенные сюда со всего света, чтобы устраивать гонки. И эти **гонки на чужом** были теперь во всем – на тряпках и коже, на чайниках и сковородках, на семенах морковки и картошки, в обучении ребятишек и переобучении профессоров, в устройстве любовных утех и публичных потех, в карманных приборах и самолетных двигателях, в уличной рекламе и государственных речах. Всё хлынуло разом как в пустоту, вытеснив **свое** в отвалы» [Распутин, 2004, с. 323].

Стоит отметить, что «свое» употребляется в повести и в значении «собственного, частного», к которому автор тоже относится негативно, поскольку оно противоречит общинному идеалу социальной жизни: «По первости побаивался, ждал темноты, чтобы нырнуть в **свое** логово, но скоро понял, что никому ни до него, ни до подвала дела нет, **каждый уткнулся в себя и свое**» [Там же, с. 472].

В диалогах персонажей критически оценивается и массовое отторжение от «своего» и «своих» как результат некоего ментального насилия: «...бросились врассыпную кто куда. В прислугу перешли. **Своих** не любят, прямо сказать, ненавидят, перед **чужими** ползают» [Там же, с. 492] «...нас... ну, как бы **обчужили**, втерли в нашу кожу всякие там вещества, чтобы она на **чужое** отзывалась с пол-

ным нашим удовольствием, а на **свое** не отзывалась, к **своему**, значит, была нечувствительна. На **чужое** клевала, а от **своего** нос воротила» [Распутин, 2004, с. 476].

Для автора и персонажей повести, которые не принимают новый строй жизни, наиболее драматичным становится наступление «чужой» речи: непривычных иностранных слов, появление доселе неуместной латиницы и даже дискурсивное самоотчуждение от своей «собственной» речи как симптом утраты идентичности или психологического состояния: «Визжал на повороте трамвай, разрисованный рекламными рожами и расписанный **чужими буквами**...» [Там же, с. 537]; «Анатолий расспрашивал, как найти это общежитие для малосемейных; девчонка, повторяя “визуально”, “визуально”, нравящаяся ей, очевидно, звучанием, как и большинство **чужих слов**, довольно толково рассказала, где оно и как отыскать квартиру» [Там же, с. 336]; «– Вот мы **свои слова**-то и отдали кому попало. Теперь слушаем **чужие**» [Там же, с. 454]; «И – как накаркала Тамара Ивановна: в последние годы прикусил Анатолий язык. Такой гнет свалился на них, так придавил, что и сказать оказалось нечего, **всякое слово**, если не произносилось оно для самой простой житейской надобности, стало представляться не просто пустым, а и **чужим**, словно бы сказанным по наущению через тебя для твоего же унижения» [Там же, с. 389]; «...неожиданно **чужим** голосом, издевательским и назидательным, ткнула себя Тамара Ивановна в грязный стол, за которым, как приговор, заполнялся протокол допроса» [Там же, с. 361] «И **чужим**, излишне бодрым голосом, точно продолжая разговор, наказывает дочери...» [Там же, с. 412].

Одним из способов сопротивления «чужому» становится сохранение русского слова, прежде всего в языке повествования и репликах персонажей: «И сдать на милость **исчужа** заведенной жизни. Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёко доносящее **родство** всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным закромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте...»; «И когда Егорьевна потребовала от Анатолия здравицу, вспомнив, что тост – это **чужое** слово, пускай под него **чужаки** и пьют» [Там же, с. 463].

Не только всё вокруг стало «чужим». После насилия над дочерью Тамары отчуждение от дома, друг от друга и от самих себя чувствуют все члены семьи: «Не всякая беда сближает мужа и жену, от этой они вдруг **почужели**, говорить не хотелось» [Там же, с. 440]; «И так неудобно и горько показалось ей в родных стенах, будто не она здесь хозяйка, будто сдали, как это ныне водится, квартиру кому-то **чужому** и неприятному, который всё в ней переиначил и изгадил, а они тайком в глухой час пришли убедиться в этом. <...> Вспомнив, что можно добыть чай, она вскипятила чайник и долго и жадно пила, пытаясь горечью крепкой заварки перебить в себе **чужесть**, пронзившую всё тело, – будто это ее изгадили» [Там же, с. 436]; «...в кухне тоже стоял какой-то странный запах, **точно побывало что-то чужое** [Там же, с. 438]; «Светка утонула в мягком диване, только головенка торчала над столом, и обрезанное лицо ее, выглядывающее откуда-то издалека, из **чужих** приютов, было как бы и не ее: затертые пудрой ссадины, заострившиеся скулы, подернутые пленчатой зыбью глаза. Но у них у всех лица были **не свои**, они все с болью смотрели друг на друга» [Там же, с. 442]. Повествователь не-

сколько раз использует причастие «почужевший», выражающее этот процесс самоотчуждения и отчуждения в персонажах: «И Светке стало совсем нестерпимо и за дедушкиным забором, и в своем нездоровом **почужевшем** тельце» [Распутин, 2004, с. 467]; «Лицо почерневшее и **почужевшее**, глаза смотрят с силой. Жадно и пугливо всматривающаяся в нее Светка замечает в углах ее губ вскипевшую смолку» [Там же, с. 512]. Таким образом, персонажи повести Распутина преодолевают отчуждение и самоотчуждение, претерпевают кризис общего «своего» и лично-«своего» мира.

В романе В. Г. Галактионовой «На острове Буяне» (2003), который критики и читатели справедливо сопоставляли с островом из повести В. Распутина «Прощание с Матёрой», архаичная «островная» психология присуща жителям удаленного от городов таежного села Буян. Нельзя не отметить преимущество названия романа по отношению к символике легендарного острова-града Буяна из народных песен и заговоров, а также возможную аллюзию на исторический роман «Остров Буян» советского писателя С. П. Злобина (1948–1965), посвященный восстанию псковичей 1650 г.

Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает поистине автаркичным местом, где живут только «свои», общинной идиллией как бы вне истории, сохранившей традиционную строгость нравов и вполне в духе архаичного мифа не принимающим «чужих»: «– А здесь не люди, а места такие. Строгие, – устраивалась она на прежнее место, вытирая пальцы тряпкой. – **Боятся чужие** сроду этих мест. Ну и завидуют, конечно: не без того... А как не завидовать? Мы ведь, сроду без никого, живём тут, в медвежьем-то углу, покрепче всех. **Сами только по себе сроду живём...**» [Галактионова, 2003, с. 47]; «– Ну, нам чего бояться? Буянские, мы сами собой сроду командовали. Вот оно и сохранилось, **всё своё у нас**. Мы себя – прокормим...» [Там же, с. 57]; «Везде церкви рушили, а нашу-то небось – пальцем тронуть побоялись! Оно самое **чистое место** поэтому и осталось – Буян. <...> Гляди: вон там, в Шерстобитове да в Ключах, кержаки сами себя в моленных домах как дураки жгли. А мы, Кеш, – **чужих**. Завсегда – **чужих** только!» [Там же, с. 72]; «В гражданскую-то как **только чужие** на подводе введут, в Буяне как останутся, так под ними солома и задымится» [Там же, с. 52].

Внешнюю канву романа образует конфликт «своего» и «чужого» – жителей села Буян и приезжего городского полуинтеллигента Кеши. За ним стоит гораздо более серьезный ценностный конфликт разных «времен» и укладов: города и деревни, традиционного и современного, автаркии и «рынка», «молчаливого большинства» и болтливой псевдоэлиты. С появления Кеши в Буяне и начинается повествование романа: «**Чужой** продрогший человек бродил бесцельно на заднем дворе районной гостиницы» [Там же, с. 7]. Героиня романа, Бронислава, дает приют бездомному чужаку из города, внешний и психологический портрет которого построен на расхожих клише «творческой интеллигенции» эпохи перестройки.

Ксенофобия обитателей Буяна становится лишь формой их защиты от современного рынка, «заграницы», поэтому оценки персонажей романа выходят далеко за пространственные пределы Буяна: «– Азеры да азеры. А они Пизнесмены по национальности, оказывается!.. А Нина у нас давно раскусила: это **русских** специально без зарплаты везде оставили, чтоб они должности по дешёвке бы **чужим**

уступали» [Галактионова, 2003, с. 159]; «У нас – нравственность. Православная. Поэтому вся власть **чужими** скуплена везде почти что... Обороняться от дурных денег придётся, Бронь!» [Там же, с. 172]. Намерение создать отряды локальной самообороны от власти и рынка – способ самозащиты буянцев от чужого и чуждого:

«– Сторожить всё придётся, чтоб **чужие** электростанцию нам не взорвали. И элеватор, – пояснила Нина. – Ещё про охрану границы района говорили. Вахтовым способом.

– От **заграничников**-то? – поняла Бронислава.

– Ну. А то продадут нас кому ни на то, и будем потом **чужим**, как шерстобитовские, дань платить. Если их впустим. Или азерам, или ещё кому.

– Не в азерах дело, конечно. В деньгах!» [Там же, с. 183].

Ксенофобия в обоих произведениях распространяется не столько на другие нации, сколько на всё «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, – словом, на всю тотальность *Lebenswelt*, окружающего героев. Галактионова видит в самоизоляции возможность спастись от «чужого». Героиня повести «Дочь Ивана, мать Ивана» в силу своего скорее «мужского» характера выбирает путь возмездия, казня в лице преступника-азербайджанца чужую ей «продажную» систему Рынка и Власти. Характерно, что и Кешу в романе Галактионовой смертельно ранят и пытаются спасти «народные мстители», бежавшие из места заключения преступники.

Не меньшую значимость приобрели мотивы «своего» и «чужого» в ином типе постколониального романа, изображающем перипетии конфликта и гражданской войны вне России, на бывших окраинах Советского Союза. Это «роман-пунктир» «Хуррамабад» А. Волоса (2000) и «Заххок» А. Медведева (2017), действие которых разворачивается в Таджикистане. Оба романа получили множество откликов, «Хуррамабад» собрал наибольшее количество литературных премий в начале 2000-х гг., а роман Медведева некоторые критики называли лучшим в 2017 г.

Для первого романа задача выявления значимости обозначенных в заголовке статьи мотивов облегчается тем, что сам автор уже акцентировал их в паратексте: опорные его главы-рассказы получили наименования соответственно «Свой» и «Чужой», та же проблематика была отмечена и в названиях и текстах большинства литературно-критических откликов (см., например, «Свои и чужие в городе счастья» [Ремизова, 2000]). В полемику по поводу этой важнейшей оппозиции романа включился и авторитетнейший социолог, занимающийся Туркестаном, – С. Абашин [2003], проанализировав сюжетную ситуацию рассказа «Свой» как с точки зрения ее этнографической «реалистичности», так и в контексте проблемы идентичности вообще.

Сразу отметим, что гибридная, переходная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща героям обоих романов (Никита Ивачев, Сергей Макушин, Беляш в «Хуррамабаде», Олег, Даврон, Зарина, Андрей в «Заххоке»). Оба романа как бы дополняют друг друга, как и повесть Распутина и роман Галактионовой: если рассказы «Хуррамабада» в основном ограничены локусом Душанбе-«Хуррамабада», то действие «Заххока» происходит вдали от больших городов, в нескольких таджикских кишлаках. В ситуации межнационального и внутрина-

ционального, кланового и локального конфликтов категории «своего» и «чужого» приобретают особую остроту.

Русские постколониальные романы о гражданской войне в Таджикистане объединены мотивами утраты «второй родины» для местного русского населения и либо отъезда их в чужую для них Россию («Хуррамабад»), либо бегства из города в еще более враждебный им локус кишлака («Заххок»). Эту проблему с «постколониальной» точки зрения увидела в прозе большинства российских и русскоязычных авторов, связанных своей биографией со Средней Азией, Э. Ф. Шафранская: «Проза названных авторов характеризуется обостренной рефлексией по поводу градации “свой – чужой” в хронотопе “раньше и теперь”, то есть до развала империи и после» [2015, с. 11].

Название и композиция первого романа мотивированы символикой Хуррамабада как топонима из иранских и тюркских сказок. Из «locus amoenus», похожего на рай, он превращается в место всё возрастающего насилия. Нарратор в романе Волоса выступает переводчиком и комментатором по отношению к «чужому» для русского читателя изображаемому миру Таджикистана. И ираноязычные заглавия, и само повествование в обоих романах подразумевают использование «чужого» для читателя: таджикского языка и реалий, культурных аллюзий (в частности, символики Хуррамабада как вымышленного топонима, символики Заххока, тирана-миксантаопа из поэмы «Шахнаме»). В том и другом произведении читателям и некоторым персонажам приходится осваивать и местные реалии, и таджикский язык, и особенности инационального этикета.

Внешняя канва повествований «Хуррамабада» – линейно-хронологическая, от начала 1930-х, через 1950-е и 1970-е к 1990-м, времени массового отъезда русских и гражданской войны. Внутренняя же логика их последовательности – драматизация процесса «освоения» чужого локуса и утраты Родины, «своего» места в мире, разрастающееся к финалу романа отчуждение. Роман «Заххок» начинается с убийства отца и вынужденного отъезда персонажей в кишлак дяди, к «своим» родственникам, а на самом деле – в чуждый мир «инопланетян», кишлачных таджиков, в котором героев ждут страшные испытания.

В последних главах романа «Хуррамабад» отчуждение героев от мира становится тотальным, особенно в главе «Чужой», герой которой перед отъездом в Россию ощущает себя чуждым любому локусу: «Он на мгновение вообразил, как состав двинется и пойдет – вагон за вагоном, цистерна за цистерной, платформа за платформой, – пойдет, тяжело погромыхая на стыках, набирая ход, чтобы раствориться в мареве, унося Дубровина навсегда отсюда, где он был теперь **чужим**, в края, где он **тоже был пока чужим** и где ему еще предстояло стать кем-то, – и тут же схватило сердце, словно чья-то ладонь сжала его так грубо, как если бы это не сердце было, а рукоять метлы» [Волос, 2005, с. 384]; «Однажды под грузом страха что-то сломалось в душе, и всё, что было **родным и знакомым**, стало **чужим** и таящим опасность. И вот он, еще оставаясь на месте, уже оказался в изгнании, потому что изгнание – это когда **всё кругом чужое и опасное. Чужой, чужой**. Он чувствовал себя **безвозвратно чужим**, и поэтому бояться чего-либо было совершенно не стыдно» [Там же, с. 380]. В момент отъезда герой переживает самоотчуждение – раздвоение на душу, привыкшую к «своему» родному месту и «чужое», отчужденное от нее тело, которое и покидает Хуррамабад: «Ему каза-

лось, что его разрывает пополам какая-то темная и безжалостная сила – поезд набирал ход, унося тело, а душа хотела остаться и отчаянно билась в **чужой** и тесной оболочке» [Волос, 2005, с. 402].

В завершающем книгу очерке горечь отчуждения и утраты своего Хуррамабада испытывает уже автор, акцентируя чуждость в буквально последнем слове текста: «Прежде всё было свое, а теперь стало необъяснимо чужое <...> Все уехали. <...> ни одной знакомой рожи. <...> Это всё теперь не их, это всё теперь чужое...» [Там же, с. 448–449] «Всё выглядело как прежде. Но было уже **совершенно чужим**» [Там же, с. 476].

Схожую отчужденность от всех окружающих по разным причинам испытывают и попавшие в ловушку кишлака, семьи дяди и банды Заху герои «Заххока»: «Впрочем, если разобраться, **мне все чужие**» [Медведев, 2017, с. 376]; «...это **чужая** страна, и я – посторонний... [Там же, с. 91]; «Выходит, с какой стороны ни посмотри, Бахшанда – мне **чужая**. Придётся вести себя посдержаннее...» [Там же, с. 30]; «Кто ты такая? Ты пришла со стороны, ты презираешь наши обычаи, ты не веришь в Единого Бога, не произносишь молитвы. Ты – **чужая**» [Там же, с. 201].

Русские беженцы в финале «Хуррамабада», потеряв свою родину, тоже становятся «чужими», но уже в этнически «своей» русской деревне: «– Жалуются на вас деревенские... – горько сказал лейтенант и покачал головой. – Жалуются! Говорят – **другие** вы люди, **непривычные!** И, мнать, если что плохо лежит, так, говорят, глазом не успеешь моргнуть, а хуррамабадцы уже слизнули!» [Волос, 2005, с. 431]; «Он много бы мог рассказать лейтенанту, объясняя, почему на них жалуются деревенские! Конечно – **пришлые!** **Вроде – русские, а живут – как чучмеки!** Всё у них **не как у людей!** Да они ж даже водки не жрут! Выпьют маленько – и всё, руки кверху! Нет, чтоб **по-нашенски** – до усёру!» [Там же, с. 431–432].

Наиболее впечатляющими становятся в обоих романах взаимная отчужденность и межклановая вражда таджиков: «Сельский уроженец ощущает себя таджиком лишь за пределами Таджикистана. При встрече с жителями соседних кишлаков, он ощущает себя талхакцем или ворухцем – представителем селения, откуда он родом. Выбираясь в область, чувствует себя представителем **своего** района. И так далее. Таджикские интеллигенты и прежде сокрушались, что народ не сплочён в нацию, – время показало страшный результат этнической разобщённости» [Там же, с. 92–93]; «– **Чужой!** – Муслим насмешливо фыркнул. – Какая разница! А я здесь **свой?** Кого **они** вообще **своим** считают? <...>

– **Свой, чужой...** Тут, знаешь, как в той поговорке... – он пошевелил пальцами. – Ну, помнишь, ты говорил? Как это?

– Бей **своих**, чтоб **чужие** боялись... – сказал Дубровин.

– Вот-вот, – обрадовался Муслим. – Именно **своих...** чтоб чужие... [Там же, с. 398–399].

Еще одна группа персонажей обоих романов, для которой значимо деление на «своих» и «чужих», – это участники войны и акторы власти, стремящиеся к власти и контролю. Они характеризуются дегуманизирующими анималистическими метафорами («звери»). Их «свое» связано с их статусом во власти, групповой и клановой принадлежностью. Именно они станут антагонистами героев в романе «Заххок», в котором используются сюжетные клише мелодрамы и боевика («злая

мачеха», положение сирот и беженцев, всевластие и всеилие зла, персонифицированное в Захуршо и его окружении, герой-спаситель Даврон). Линия Чужого усилена введением символики Заххока, змееподобного тирана-миксантавропа из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси (антагонист публично носит на плечах украденного из зоопарка питона) и аллюзиями на одноименный триллер («Чужой» Р. Скотта).

Сюжетным разрешением коллизий в обоих романах становятся попытка бегства или миграции персонажа в новое чужое пространство, новая этническая и социальная идентификация, власть над локальным социумом, уничтожение или, напротив, приручение монструозного антагониста (глава «Ужик» в «Хуррамабаде», где героиня привыкает к ядовитой эфе, принимая ее за ужа).

Особую роль в структуре романа «Хуррамабад» играет седьмая глава «Свой», которая расположена ровно «посередине» в его внешней композиции из 14 глав. Но более существенно то, что в ней изображена попытка смены этничности русским москвичом, героем, изначально чужим всем местным, к тому же наделенным высоким столичным статусом.

Герой рассказа движется против общего течения сюжета: он сознательно хочет понижения своего социального статуса, мигрируя из центра Империи в Хуррамабад. Чтобы стать «своим», герой бросает Москву и московскую жену, меняет имя, внешность («...подсохшим, груболицым хуррамабадцем годков под сорок, **потемневшим от солнца** и нечистой базарной работы» [Волос, 2005, с. 169]), вероисповедание, женится на таджичке, сказочно быстро осваивает язык и даже пытается слиться в едином порыве с возбужденной толпой. Но его всё равно воспринимают как чужого: «Ты татарин, что ли?» [Там же, с. 168]; «...не признавая в нем русского, Макушина всё норовили записать то узбеком, то казахом, то даже турком-месхетинцем – короче говоря, кем угодно, **только не своим**» [Там же, с. 169]. Попытка слиться с толпой, примкнуть к одному из враждующих кланов заканчивается для него провалом, его снова опознают как чужого: «Пошла вон отсюда, **русская сволочь!** вот что он мне кричал... а?» [Там же, с. 189].

Главным препятствием на пути героя к чужой этничности становится его пренебрежение к субэтническому делению хуррамабадцев. Его убивают, приняв по диалектным чертам произношения за кулябца, представителя одного из враждебных кланов, «своего чужого». Герой умирает в иллюзии, что признан «своим», хотя убийцы видят в нем члена чужого клана: «Ему стало на мгновение обидно, но умирал он все-таки счастливым – его признали **своим**» [Там же, с. 189]. Как и другие «гибридные» персонажи (Ивачев, Олег в «Заххоке»), он стал жертвой этой промежуточной идентичности, статуса «чужого среди своих», крайне неустойчивого во времена гражданской войны.

Итак, в отечественной прозе начала 2000-х гг. утрата персонажами своей привычной социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетообразующих факторов.

Список литературы

Абашиш С. Н. Свой среди чужих, чужой среди своих (Размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса «Свой») // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–25.

Бронская Л. И., Иванова И. Н. Дихотомия «свой / чужой» в современном Кавказском и Уральском текстах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 170–178.

Волос А. Хуррамабад: [роман-пунктир]. М.: Зебра Е, 2005. 480 с.

Галактионова В. Г. Крылатый дом: Роман, повести, рассказы, сказки. М.: Андреевский флаг, 2003. 576 с.

Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова: на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и иногородцах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 30 с.

Драчева С. О., Кислова Л. С. «Южноамериканский вариант» в современном российском травелоге // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 71–81.

Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–46.

Медведев В. Захлок. М.: Arsis Books, 2017. 460 с.

Майса А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 900 с.

Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.

Поляков О. Ю. Имагология: Учеб. пособие. Киров: ВятГУ, 2015. 184 с.

Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Распутин В. Деньги для Марии: Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2004. С. 321–542.

Ремизова М. С. Свои и чужие в городе счастья: Вышла книга лауреата премии Антибукер Андрея Волоса // НГ. 2000. № 13 (136). 6 апр. (Ex libris). URL: https://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html (дата обращения 10.02.2021).

Соломина В. В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Филология. 2014. Т. 1, № 3. С. 176–182.

Цимбалова Ю. А. Оппозиция «свой – чужой» в цикле рассказов Е. Д. Айпина «Время дождей» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 273–277.

Шафранская Э. Ф. Постколониальная проблематика современной русской литературы // Respectus Filologus. 2015. № 28 (33). С. 9–23.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Ahmad A. “Jameson’s Rhetoric of Otherness and the ‘National Allegory’ // Social Text. 1987. № 17. P. 3–26.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. New York: Routledge, 2004. 296 p.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.) Key Concepts in Postcolonial Studies. London, New York: Routledge, 2013. 368 p.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Oxford, Polity Press, 1987. Vol. 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. 457 p.

Hasan Al-Saidi A. Post-colonialism Literature the Concept of self and the other in Coetzee's *Waiting for the Barbarians*: An Analytical Approach // *Journal of Language Teaching and Research*. 2014. Vol. 5, no. 1. P. 95–105.

References

- Abashin S. N. Svoj sredi chuzhikh, chuzhoj sredi svoikh (Razmyshleniya etnografa po povodu novelly A. Volosa "Svoj"). *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2003, no. 2, p. 3–25. (in Russ.)
- Ahmad A. "Jameson's Rhetoric of Otherness and the 'National Allegory'". *Social Text*, 1987, no. 17, p. 3–26.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. New York, Routledge, 2004, 296 p.
- Ashcroft B., Griffiths G. & Tiffin N. (eds.). *Key Concepts in Postcolonial Studies*. London, New York, Routledge, 2013, 368 p.
- Bronskaya L. I., Ivanova I. N. Dihotomiya "svoj / chuzhoj" v sovremennom Kavkazskom i Ural'skom tekstakh. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and legal studies]*, 2018, no. 1, p. 170–178. (in Russ.)
- Daniilova N. Yu. Dialog "svoego" i "chuzhogo" v khudozhestvennom mire N. S. Leskova: na materiale proizvedenij 1860–1880-kh gg. ob inostrantsakh i inorodtsakh [The Dialogue of "Native" and "Other" in the Artistic World of N. S. Leskov: based on the Works of the 1860–1880s about Foreigners and Non-Russians]. Abstr. of Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2011, 30 p. (in Russ.)
- Dracheva S. O., Kislova L. S. "Yuzhnoamerikanskij variant" v sovremennom rossijskom travelogue. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies]*, 2017, vol. 3, no. 2, p. 71–81. (in Russ.)
- Galaktionova V. G. *Krylatyj dom: Roman, povesti, rasskazy, skazki [Winged House: Novel, novellas, short stories, fairy tales]*. Moscow, Andreevskij flag, 2003, 576 p. (in Russ.)
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. The Imperial experience of Russia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448 p. (in Russ.)
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Oxford, Polity Press, 1987, vol. 2: *Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*, 457 p.
- Hasan Al-Saidi A. Post-colonialism Literature the Concept of self and the other in Coetzee's *Waiting for the Barbarians*: An Analytical Approach. *Journal of Language Teaching and Research*, 2014, vol. 5, no. 1, p. 95–105.
- Majga A. A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2014, no. 3 (37), p. 254–259. (in Russ.)
- Medvedev V. *Zahkhok*. Moscow, Arsis Books, 2017, 460 p. (in Russ.)
- Oshchepkov A. R. *Imagologiya. Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2010, no. 1, p. 251–253. (in Russ.)
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1970, 900 p. (in Russ.)

Polyakov O. Yu. *Imagologiya* [Imagology]. Textbook. Kirov, VSU Press, 2015, 184 p. (in Russ.)

Rasputin V. *Doch' Ivana, mat' Ivana* [Ivan's daughter, Ivan's mother]. In: Rasputin V. *Den'gi dlya Marii* [Money for Maria]. Novellas and short stories. Moscow, Eksmo, 2004, p. 321–542. (in Russ.)

Remizova M. S. *Svoi i chuzhie v gorode shchast'ya: Vyshla kniga laureata premii Antibuker Andrey Volosa* [Natives and others in the city of happiness: The book of the winner of the Anti-Booker Prize Andrey Volos has been published]. *NG*, 2000, no. 13 (136). (Ex libris). (in Russ.) URL: https://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html (accessed 10.02.2021).

Shafranskaya E. F. *Postkolonial'naya problematika sovremennoj russkoj literatury* [Postcolonial Problems of Modern Russian Literature]. *Respectus Filologus*, 2015, no. 28 (33), p. 9–23. (in Russ.)

Solomina V. V. *Osobennosti realizatsii oppozitsii "svoj – chuzhoj" v razlichnykh vidakh diskursov. Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. Filologiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philology], 2014, vol. 1, no. 3, p. 176–182. (in Russ.)

Tsimbalova Yu. A. *Oppozitsiya "svoj – chuzhoj" v tsikle rasskazov E. D. Ajpina "Vremya dozhdej"*. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, and culture], 2014, no. 4 (46), p. 273–277. (in Russ.)

Volos A. *Khurramabad: [roman-punktir]*. Moscow, Zebra E Publ., 2005, 480 p. (in Russ.)

Zemskov V. B. *Rossiya "na perelome"* [Russia "at the breaking point"]. In: *Na perelome. Obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI v.)*. Moscow, Novyj khronograf, 2011, p. 4–46. (in Russ.)

Сведения об авторе

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФБГОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия)

maroshi@mail.ru

Information about the Author

Valerij V. Maroshi – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, chair of Russian literature, theory of literature and methodology of literary teaching, Novosibirsk State Pedagogic University (Novosibirsk, Russian Federation)

maroshi@mail.ru